

Аксенов В.Б.
д.и.н., в.н.с. ИРИ РАН

Тезисы доклада

**«Красная баба идет...»:
женские погромы в контексте архаизации современного города
1914-1916 гг**

1. В начале XX в. в российское семиотическое пространство проникает образ «красной бабы» (самые известные образы созданы Ф.Малявиным), перекликающийся как с революционными процессами, охватившими деревню и город, так и процессами женской эмансипации. Если изначально «красная баба» – это бунтующая крестьянка, то с 1910-х гг. бабами-хулиганками начинают называть суфражисток. Расширение семантики термина приводит к тому, что его определяющей особенностью становится не социально-гендерное отличие, а отличие психологическое – бабой может быть мужчина, чья эмоциональность и алогизм суждений не соответствовали патриархальным стандартам маскулинности. Одной из характеристик «бабьего» становятся абсурдные слухи: проникавшие в город благодаря рыночными торговками, эти слухи отличались повышенной эмоциональностью и не только дискредитировали власть, но и в каком-то смысле своими последствиями (повышение общей нервозности) «раскультивировали» современный город.
2. Начало XX в. и в социокультурном, и политическом, и экономическом аспектах многими исследователями рассматривается в контексте перехода от традиционного общества к модерну. В иерархии типов обществ выделяют и некий промежуточный вариант «плебейской модерности» (И.Герасимов), связанный, с одной стороны, с инерцией традиции, с другой – с миграционно-урбанизационными процессами. Однако такая «иерархия» представляется упрощенной: условные границы архаики и модерна лежат не столько в общественном устройстве или уровне образованности членов общества, сколько в индивидуальной психологии. Архаика – это уровень сознания, присутствующий в любом человеке, и экстремальные ситуации способны пробудить самые низкие инстинкты самого культурного представителя высшего света. Это подтверждают так называемые «патриотические погромы» Первой мировой войны (например, разгром Германского посольства

22 июля 1914 г.), в которых делинквентно-девиантное поведение демонстрировали дамы высшего общества.

3. К 1914 г. в российской деревне сложилась определенная традиция женского насилия. В силу известных гендерных стереотипов власти к «бабьему бунту» относились лояльнее, чем к мятежу мужиков, поэтому нередко крестьяне-мужчины первыми «в бой» отправляли баб, а после удостоверения в их безнаказанности присоединялись к погрому. Во время беспорядков в городах у женщин формировались другие функции, прежде всего – эмоциональное стимулирование мужчин криками (также эту функцию выполняли подростки). При этом некоторые современники утверждали, что женщины порой демонстрировали бóльшую жестокость, чем мужчины. Последнее отчасти объясняется социально-ролевым кризисом. В российском женском насилии периода модернизации можно отметить фактор конфликта старых и новых социальных функций: женщина во время войны неизбежно эмансипируется, берет на себя часть мужских обязанностей, но по-прежнему сталкивается с правовой и экономической дискриминацией; традиционное общество требует от женщины быть женой и матерью, но начатой мобилизацией государство ограничивает такие возможности, а социальная роль хозяйки ущемляется инфляцией и продовольственным кризисом, в результате чего возникает когнитивно-ценностный диссонанс. Вместе с тем в ряде случаев сами крестьянки оказывались ментально не готовы к исполнению новых ролей, предпочитая архаические формы протеста против несовершенства современности.
4. С первых недель Первой мировой войны в разных частях империи вспыхивают женские погромы, которые условно можно классифицировать следующим образом: бунты солдаток и беженок из-за невыплаченных или задержанных пособий; продовольственные погромы хозяек и работниц; беспорядки работниц из-за условий труда или угрозы увольнений; бунты крестьянок в связи с земельными разделами. Помимо этого, в зависимости от места и времени, во время погромов проявлялись конфликты на этнической почве, а также могли звучать и политические лозунги. В городах агрессия женщин часто оказывалась обращенной на полицию не только в связи с тем, что та противодействовала бунту или из-за того, что полиция была доступным представителем ненавистной власти, но и потому, что женщины, особенно солдатки, видели в полиции трусов и предателей («фараонов»), вместо которых их мужья ушли на фронт. Важно, что практика погромов формировала тактику и стратегию уличного протеста, использованные в феврале 1917 г. Не случайно генерал-майор отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович называл женщин и детей «застрельщиками революции».

5. Во время женских продовольственных погромов проявлялся как стихийно-иррациональный вандализм, так и вполне расчетливое поведение, в котором обнаруживается сознательная инициатива по низовому переформатированию экономического пространства, общественная самоорганизация в рамках традиционной логики. Примером первого можно считать бессмысленные акции по уничтожению товара, когда он просто разбрасывался по улице, топтался ногами, разрывался или резался на куски. Это были проявления аффективного характера, до которого женщины были доведены крайней нуждой и потому выплескивали эмоции на конкретных лавочников. Примером расчетливого поведения можно считать шантаж лавочников угрозами погрома, благодаря чему последние нередко шли на снижение цен. Случалось, что полиция, видя возбужденное состояние толпы, в целях предотвращения погрома разрешала под собственным присмотром произвести ревизию товаров в лавках. В других случаях женщины искусственно создавали кратковременный беспорядок на рынке, чтобы похитить приглянувшийся товар. Власти не без оснований в разгромах городских попечительств, выдававших пособия, усматривали рост иждивенческих настроений.
6. Полиция недооценивала революционно-политический потенциал женского бунтарства и потому действовала более сдержанно. В апреле 1915 г. МВД распространило секретный циркуляр губернаторам и градоначальникам, в котором призывало беспорядки «предупреждать и немедленно прекращать самыми решительными мерами, но при этом отнюдь не прибегать к действию оружием». На основе этого циркуляра московский градоначальник А.А. Адрианов в том же месяце сделал распоряжение, в котором специально отметил недопустимость применения оружия против женских толп, «так как нельзя расстреливать жен и родных солдат, сражающихся на фронте». Отчасти это распоряжение стало причиной пассивного поведения полиции во время майского антинемецкого погрома в Москве. Случалось, что власти пытались использовать женский протест в своих политических играх, выходя на улицу и возглавляя женские манифестации (чем занимался владимирский губернатор В.Н.Крейтон во время противостояния с городским головой, депутатом-прогрессистом Н.Н.Сомовым).
7. С течением времени именно в женской среде ярче всего начало проявляться раздражение от войны. В июле 1916 г. начальник Московского губернского жандармского управления сообщал директору департамента полиции, что в губернии пожелания мира

чаще всего высказывают бабы, «не интересующиеся тем или иным исходом войны». При этом ждущим мира крестьянкам противопоставлялось фабричное население «как более развитое и разбирающееся в создавшемся положении» и потому желавшее не мира, а победы. Те же настроения крестьянок отмечал весной 1916 г. предводитель тверского дворянства П.П. Менделеев, когда передавал разговор с бабами, спрашивавшими, скоро ли будет мир. Менделеев ответил, что сначала нужно прогнать врага, не то «он придет и к нам, в Тверскую губернию». «Так что же, пускай приходит, – говорят бабы, – нам под немцем, может, вольготнее жить будет».

8. Женский фактор социально-политического кризиса, проявляющийся в том числе в росте уличного насилия, хулиганства, отмечался разными современниками и все чаще входил в российское семиотическое пространство по мере приближения к 1917 г. Не случайно февральская революция началась с очередного бабьего бунта. Характерно, что современники не сразу опознали в очередных продовольственных беспорядках начало революции – сказывался стереотип об обязательном организованном и целерациональном характере революционных выступлений, а также недооценка «бабьего бунта». Справедливо считается, что именно участие женщин повысило шансы на победу революции, так как направленные на подавление бунта конная полиция и казаки изначально действовали более сдержанно, воспринимая женщин в качестве матерей солдат, проливающих кровь на фронте, а затем и вовсе перешли на сторону восставшего народа. Помимо этого, в соответствии со сложившимися функциями, истеричными криками бабы подстегивали революционно-настроенных мужчин, заставляя их действовать более решительно.